

Меня часто спрашивают, как было возможно то, что Ленин, зная так хорошо Зиновьева, защищал и награждал его до конца своей жизни. Я могу лишь ответить, что в его сотрудничестве с Зиновьевым, как и в своей общей стратегии, Ленин руководствовался тем, что он считал высшими интересами революции. Он знал, что в лице Зиновьева у него есть надежное и послушное орудие, и он никогда и на минуту не сомневался в своем собственном умении управлять этим орудием для пользы революции.

Зиновьев был интерпретатором и исполнителем воли других людей, а его личная проницательность, двусмысленное поведение и бесчестность давали ему возможность выполнять эти обязанности более эффективно, чем это мог сделать более щепетильный человек.

Анжелика Балабанова.

Моя жизнь — борьба.

Мемуары русской социалистки.

1897–1938.

От автора

Зиновьев...

До Октября — ближайший друг, единомышленник и соратник Ленина, даже его соавтор. После Октября — один из лидеров партии. Вместе с Лениным, наравне с Троцким, Сталиным, Каменевым возглавил всемирную коммунистическую партию — Коминтерн. Делал все возможное, чтобы ускорить начало пролетарской революции и добиться ее победы. В конце 1923 года вместе со Сталиным и Каменевым образовал неформальную руководящую «тройку» для противостояния Троцкому.

С конца 1925 года — лидер оппозиции большинству членов Центрального комитета. Теперь уже вместе с Троцким продолжал настаивать на свертывании НЭПа, проведении форсированной индустриализации за счет изъятия средств у нэпманов и зажиточных крестьян.

Лишенный всех постов, начиная с 1928 года дважды побывал в ссылке, один раз в тюрьме. В августе 1936 года стал главным обвиняемым на первом так называемом Московском процессе, был приговорен к смертной казни.

С тех пор почти на полвека, вплоть до реабилитации в 1988 году, его имя отовсюду исчезло.

Всего этого вполне достаточно, чтобы имя Зиновьева вернуть из небытия в историю нашей страны. Тем более, что для того имеются самые веские основания. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится личный фонд Зиновьева, содержащий почти 700 дел, большая часть которых остается неизвестной исследователям. Помимо того, материалы, отражающие жизнь и деятельность Зиновьева, наличествуют еще в девяти фондах, причем один из них — 17-й — представляет собой фактически совокупность десятков полноценных, по сути, самостоятельных фондов.

Тем не менее и после реабилитации Зиновьева так и не появились серьезные работы. Пока мы располагаем лишь тремя небольшими популярными очерками — Н.А.Васецкого и В.В.Мельситова, да еще статьей немецкого историка В.Хедлера. Только совсем недавно, в 2011 и 2017 годах, были защищены кандидатские диссертации. Правда, по весьма узким темам: В.М.Вихровым — «Коммунистический лидер Г.Е.Зиновьев во главе Петрограда — Ленинграда (конец 1917 г. — начало 1926 г.)» и В.И.Самохваловым — «Политическая деятельность Г.Е.Зиновьева в ходе Великой русской революции: 1917 — март 1918 гг.».

Вот поэтому-то политическая биография Зиновьева позволит резко раздвинуть рамки наших знаний о прошлом страны. Позволит увидеть события первых двадцати лет советской истории в необычном ракурсе. С иной точки зрения, чем прежде. Поможет по-иному оценить минувшее.

Пролог

У евреев в царской России будущего не было, да и быть не могло. Черта оседлости, установленная еще в 1791 году, воспрещала им — не имеющим высшего образования или патента купца первой гильдии — проживать на территории, присоединенной к империи после разделов Польши. Только в Привисленском крае, Белоруссии, Литве, Курляндии, на Правобережной Украине, а впоследствии в Черниговской и Полтавской губерниях.

Закон 1804 года потребовал выселить евреев из сел, что привело к появлению скученных до предела местечек. В них дети могли учиться лишь в религиозных школах — хедерах, заучивая наизусть Талмуд. А основная масса взрослых, лишённая права заниматься крестьянским трудом или уехать и работать на фабриках и заводах, в шахтах, превратилась исключительно в ремесленников — лудильщиков, портных, сапожников, держала мелочные лавочки. Только немногие становились арендаторами или факторами, то есть посредниками в торговых сделках.

Усугубляла судьбу остававшихся верными иудаизму постоянная угроза погромов, первый из которых произошел в 1821 году. Кровавые погромы повторялись время от времени чуть ли не во всех городах черты оседлости. В Одессе и Киеве, Белостоке, Житомире и Бердичеве, Могилеве и Витебске...

Отчаянное положение вынуждало евреев делать выбор. Либо эмигрировать в США или Аргентину, либо ринуться в революционное движение. Бороться с ненавистным самодержавием, зачастую прибегая к террору. Поначалу — в «Земле и воле», «Народной воле». Затем в социалистических партиях — эсеров, социал-демократов или националистических «Бунд», «Поалей Цион».

Свой выбор сделал и тот, кого по партийному псевдониму нарекут Зиновьевым. ...Два раза Григорий Евсеевич Зиновьев заполнял анкеты. Единоразово собственноручно написал автобиографию. Один раз авторизовал статью о себе¹. И всякий раз начальный этап его жизни оставался полным умолчаний, недоговоренностей, разночтений. По-видимому, событиям детства и отрочества он не придавал значения. Они его просто не интересовали. Затерялись в глубинах памяти. А может, он их сознательно корректировал применительно к новым требованиям жизни.

Дату рождения поначалу указал весьма своеобразную: 1883 год, «говорят, в праздник Йом-кипур»². Позднее уточнил — 20 сентября. Столь же своеобразно поступил и с местом рождения. Всегда называл его — Елизаветград (в советское время Зиновьевск, затем Кировоград), и не случайно. Хотя всего лишь уездный город, тот обладал развитой промышленностью: добыча известняка и бурого угля; 140 фабрик и заводов; второе место — после Одессы — по мукомольному произ-

¹ См. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), ф. 324 — Зиновьева, оп. 1, дд. 1, 7, 8, 9; оп. 2, д. 94.

² Йом-кипур (судный день) — переходящий, отмечаемый в один из дней октября, иудейский праздник; РГАСПИ, ф. 324, оп. 1, д. 9, л. 1.

водству; мужская и женская гимназии, реальное училище, еврейская религиозная школа, кавалерийское училище. На самом деле, по документам полиции, был уроженцем Новомиргорода, одного из сотен еврейских местечек, в конце XIX века ставшего чуть ли не пригородом Елизаветграда.

Чтобы скрыть свое мелкобуржуазное происхождение, во всех анкетах, в автобиографии писал об отце: «фермер». За столь непонятым в те времена словом скрывал то, что отец, Арон Радомысльский, владел коровами, чье молоко поставлял в город.

Также поступил и с ответом на вопрос об образовании. Нет, не стал лгать, хотя и написал — «домашнее», но добавил: «свободно говорю по-французски и по-немецки». Отмечал, что с шестнадцатилетнего возраста давал «платные уроки на дому», то есть занимался репетиторством, которым зарабатывали лишь старшеклассники-гимназисты и учащиеся реальных училищ. Всегда указывал и иное — «затем служил конторщиком». То есть занимался работой, требовавшей определенного уровня знаний. Никогда не скрывал и того, что, приехав в Берн (Швейцария), сдал вступительные экзамены на факультет химии.

Все это в совокупности заставляет усомниться в некоем «домашнем» образовании. Высказать с очень большой степенью вероятности предположение о том, что Зиновьев получил настоящее среднее образование, и не в гимназии, а в реальном училище.

Годы юности Овсея Радомысльского столь же неотчетливы, смутны. Известны в самых общих чертах.

В Елизаветграде он не только работал конторщиком, но и участвовал в «кружках самообразования», которые следует понимать как политические. Скорее всего, там читали и обсуждали литературу, официально считавшуюся предосудительной. Вполне возможно — марксистскую. Участвовал Радомысльский и в полулегальных стачечных комитетах — не следует забывать: профсоюзы в империи тогда были запрещены. Такой «образ жизни» и привел его к неизбежному — в революционное движение.

В 1901 году, как с гордостью указывал Зиновьев во всех анкетах и автобиографиях, он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Ни его самого, ни тех, кто читал о столь значимом факте, не смущали два обстоятельства. Отсутствие точной даты — месяц, число — и места вступления в партию, которой тогда просто еще не существовало. Скорее всего, восемнадцатилетний Овсей Радомысльский примкнул к одной из только что возникших социал-демократических групп, лишь два года спустя и объединившихся в РСДРП.

О появлении в Елизаветграде «революционной» организации стало известно полиции, и у Радомысльского, как и у всех его товарищей, провели обыск, за которым никаких репрессий не последовало. Но даже и такой, чисто превентивной, надзирательной меры оказалось для него достаточно. Он решил не рисковать и тут же уехал за границу. Разумеется, на средства отца. Жил недолго в Берлине, Париже, но обосновался в Берне. Там в местном университете и продолжил образование. Но изучал не только химию. Познакомился с проживавшими там эмигрантами из России, сблизился с ними, в их группах выступал с реферата-

ми, для чего потребовалось более углубленно изучать марксистскую литературу. И примкнул к большевикам, выделившимся как фракция из только что, в августе 1903 года, созданной РСДРП.

Только теперь Овсей Радомысльский и стал настоящим членом партии. По ее рекомендации осенью 1903 года возвратился в Россию и начал вести пропагандистскую работу на предприятиях Елизаветграда, Кременчуга, Полтавы, других южных городов. Однако серьезное заболевание сердца, от которого он страдал всю жизнь, вынудило уехать в Берн для лечения. Заодно он возвращается в университет Берна, но на иной факультет — философский. Не забыл он и о партии: участвовал в создании бернской группы большевиков, а в Женеве — заграничной группы, членом комитета которой был избран.

Осенью 1905 года уезжает в революционный Петербург. Продолжает пропагандистскую работу на предприятиях Васильевского острова, Городского района. Участвует в создании профсоюза текстильщиков, Совета безработных. Ведет работу среди солдат, расквартированных в Царском селе; в июле 1906 года участвует в подготовке неудачного восстания в Кронштадте. После кратковременной поездки в Берн — для продолжения лечения — возвращается в столицу, где избирается членом бюро Петроградского комитета партии.

Весной того же 1907 года становившаяся рутиной деятельность Радомысльского резко меняется. Петроградская организация РСДРП посылает его, одного из семнадцати, в Лондон, на Пятый партсъезд. А там его избирают членом ЦК. Вот теперь Овсей Радомысльский и становится Григорием Зиновьевым. Круг его партийной работы резко расширяется. Он участвует в двух большевистских конференциях — в Гельсингфорсе (Хельсинки) и Выборге. По поручению ЦК посещает Одессу, Николаев, Екатеринослав, чтобы оживить работу их организаций.

Радомысльский-Зиновьев обосновывается в Петербурге. Находит интеллигентное место — наборщика и корректора одной из столичных типографий. Знакомится со слушательницей Высших женских курсов Златой Евновной Левиной (впоследствии — Злата Ионовна Лилина). Вскоре они женятся, снимают хорошую квартиру в центре, на улице Жуковского, и начинают ждать прибавления в семействе. Со стороны — вполне респектабельная пара. Но благополучная жизнь вскоре рушится. Происходит то, что впоследствии Зиновьев рассматривал как заслугу — 29 марта 1908 года его арестовывают.

«Арестовали меня, — вспоминал много лет спустя Зиновьев, — ночью на улице на Васильевском острове (кажется, вместе с Вл. Ив. Невским). Дело было так. У нас было подпольное собрание редакции нелегального “Вперед”. На нем должны были быть (и были) Рыков, Невский и кто-то еще... Когда мы расходились с рукописями, нам дали знать, что идет полиция. Рукописи успели выбросить в раковину, а мы все покинули квартиру и стали уходить. Рыкову удалось выйти (помогла наружность). Меня и Невского арестовали при выходе из ворот и отвезли в часть (кажется, в Коломенскую).

Из условий нашего содержания и из сообщений с воли (во многом благодаря Е.Д. Стасовой принял участие ее отец Д.В. Стасов — тогда, кажется, председатель Союза присяжных поверенных (адвокатов — Ю.Ж.), человек с большими “связа-

ми”) стало ясно, что охранка не знает, кто я. Это подтвердилось на допросах. Меня обвиняли в участии в эсеровской типографии. Стал вопрос: как мне держаться? После сношения с тогдашними бюро ЦК и ПК (связь с волей была отличная, через окно я прямо мог “по телефону” говорить с женой, сестрой (Рива Лея Ароновна Радомысльская, акушерка — Ю. Ж.) и т.п., сидели в общей камере человека четвере), каждый день выпускали (на прогулку — Ю. Ж.)... именно там сочли мой образ действий (при данных условиях не было никакого суда и т.п.) абсолютно и безусловно правильным. Даже сомнений не было, что правильно»¹.

В этом самостоятельном фрагменте воспоминаний Зиновьев точен в главном, но грешит в мелочах, и отнюдь не потому, что спустя четверть века его подвела память. Во-первых, А.И. Рыков, будущий глава СНК СССР, в ту ночь вместе с Зиновьевым и В.И. Невским, впоследствии видным историком партии, быть никак не мог. Он находился под арестом с мая 1907 года вплоть до суда в июле 1908 года. Во-вторых, освободили Зиновьева благодаря поручительству не Д.В. Стасова, а некоего барона Давида Гинзбурга, письменно ходатайствовавшего за Зиновьева, да еще и приведшего такой довод, как заболевание астмой².

Но почему же Зиновьев столь пылко писал о правильности своего поведения во время ареста? Ответ дал он сам, в двух последних фразах фрагмента. «Помнится, — писал он, — об этом знали и будущие чекисты — из партии социалистов-революционеров, Бунда, меньшевиков и других. Никто никогда ни духом не оспорил правильность этого образа действий»³. Следовательно, даже четверть века спустя Григорий Евсеевич опасался, что его могут заподозрить в связях с полицией. Ведь он, как могло показаться, проявил слабость, за два месяца заключения подав шесть прошений об освобождении его, ни в чем не повинного человека. Первое — уже 4 апреля, на имя петербургского градоначальника:

«Я никогда не привлекался к суду, ни в чем незаконном никогда не был замечен, ни в каких партиях и обществах никогда не состоял... Никогда я под следствием не был и теперь при моем нездоровье заключение действует на меня угнетающим образом. Прошу ваше превосходительство приказать окончательно выяснить недоразумение и освободить меня из-под стражи, дабы я мог продолжать свои мирные занятия».

Точно такие же по содержанию, чуть ли не под копирку написанные прошения Зиновьев направил 7 и 8 апреля. Следующая просьба, от 17 апреля, оказалась несколько отличной от предыдущих: «Вот уже скоро месяц я безвинно нахожусь в заключении без допроса и без предъявления какого-либо обвинения... Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать распоряжение о моем освобождении или, по крайней мере, допросить меня... Я готов дать все показания». Но так как никакого ответа он не получил, ему пришлось еще дважды обращаться на имя петербургского градоначальника — 1 и 24 мая⁴.

¹ РГАСПИ, ф. 324, оп. 1, д. 8, лл. 46, 46 об.

² Там же, д. 1, л. 17.

³ Там же, д. 9, л. 47.

⁴ Там же, д. 1, лл. 5–14.

Подействовало лишь ходатайство барона Гинзбурга — от 28 мая. На следующий день арестованного освободили. Вернули паспорт и другие документы, предписав немедленно покинуть Петербург и выехать в Елизаветград¹. Зиновьев уехал из столицы 1 июня, но не на родину, а в... Швейцарию. В который раз — в эмиграцию. Как оказалось, теперь надолго. На восемь с половиной лет.

В альпийской республике для Зиновьева начался новый период жизни. Принципиально иной, нежели прежде. Перед ним открылись невиданные горизонты. И не только потому, что наконец-то проявился его блестящий талант оратора и организатора. Причиной же того стало близкое знакомство с Лениным. Для которого Зиновьев очень скоро стал не только единомышленником, соратником, но и ближайшим учеником. Даже соавтором.

Как и прежде, Зиновьев с женой и новорожденным сыном поселился в Берне, что не помешало ему сразу же активно включиться в партийную работу. Чуть ли не ежедневно он приезжал в Женеву — благо по прямой всего около 90 километров. Встречаться с Лениным, Крупской, Каменевым. Вместе с ними готовить очередные номера газет «Социал-демократ», «Пролетарий». И выступать не только как соредактор, но и как автор. В статьях отстаивать положения, выдвигаемые Лениным. В основном содержавшие осуждение возникшего в российской социал-демократии течения — «экономизм». Кроме того, участвовал Зиновьев и как бескомпромиссный сторонник Ленина на различных встречах. На пленуме ЦК, прошедшем в Женеве, а в декабре — на Всероссийской партконференции, состоявшейся в Париже. А вскоре Зиновьев стал делегатом Восьмого конгресса Второго интернационала, проходившего в Копенгагене с 28 августа по 3 сентября 1910 года.

В датской столице Зиновьев встретил, познакомился с виднейшими деятелями европейского социалистического движения. С.А.Бebelем и К.Каутским из Германии, Ж.Гэдом и Ж.Жоресом из Франции, Ф.Турати из Италии, иными. И тогда же убедился, что основополагающие идеи Интернационала стремительно размываются. Да, Копенгагенский конгресс подтвердил антивоенные резолюции предыдущего, Штутгартского, о замене постоянной армии милицией, о голосовании в парламентах против военных кредитов, а в случае возникновения войны добиваться как можно быстрее ее прекращения. Но принял Копенгагенский конгресс и иную резолюцию, предлагавшую всем социалистическим партиям вне зависимости от существовавших в них течений и направлений объединяться в национальных рамках. То есть отказаться от интернационализма.

Летом следующего года Зиновьеву пришлось, скорее всего, по рекомендации Ленина, выступить в новой для себя роли. В Лонжюмо, пригороде Парижа, была открыта партийная школа для 18 рабочих, присланных своими организациями для пополнения образования. Лекции им читали такие теоретики, как Владимир Ильич, Д.Б.Рязанов — крупнейший в России знаток работ Маркса, будущие советские наркомы: здравоохранения — Н.А.Семашко, просвещения — А.В.Луначарский, другие. А наравне с ними и Зиновьев.

¹ Там же, д. 9, л. 5.

Как Копенгагенский конгресс, так и школа в Лонжюмо стали весьма важными событиями как для Григория Евсеевича, так и для партии в целом. Но все же более значимой и для него, и для РСДРП стала Шестая партконференция, состоявшаяся в пока еще австрийской Праге в январе 1912 года. Окончательно разделившая большевиков и меньшевиков. Способствовавшая возрождению партии после нескольких лет реакции. Ставшая явным свидетельством начала нового революционного подъема в России. Потребовавшая сочетания нелегальных и легальных форм борьбы для непрямого участия в выборах в Четвертую государственную думу.

Если в Копенгагене Зиновьев был, скорее, просто участником, точнее — наблюдателем, то в Праге он уже выступил с докладами по двум пунктам повестки дня: о тактике в ходе выборов; о петиционной кампании, которая в случае успеха могла бы усилить результативность Думы. Наконец, на конференции Зиновьев впервые был избран в ЦК. Чисто большевистский.

Год спустя, в январе 1913-го, Григорий Евсеевич участвовал в Краковском совещании новоизбранного Центрального комитета — то есть Ленина, Сталина и его, с партийными работниками организаций Петрограда, Москвы, Юга России, Урала и Кавказа. Огласившем предварительные итоги работы партии в новых условиях. Предложившем поддерживать деятельность нелегальных парторганизаций легальными и полулегальными, но уже рабочими, оказывая всяческое содействие стачечной борьбе. И выдвинувшем лозунги, соответствовавшие сложившейся ситуации: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьей земли. Лично же Зиновьев еще и провел консультации с участвовавшими в совещании депутатами Думы Г.И.Петровским, А.Е.Бадаевым и Н.Р.Шаговым, начал писать для них речи.

В июне 1913 года, по рекомендации ЦК, Ленин и Зиновьев переехали из Парижа в Краков, где образовали Заграничное бюро ЦК, куда перевели редакцию «Социал-демократа». Однако вскоре они перебрались поближе к русской границе. Ленин с Крупской — в маленький курортный городок Поронино, Зиновьев с Лилиной — в соседнюю деревушку Зубсху. Там, как позже вспоминал Григорий Евсеевич, они «частенько ездили на велосипедах, чтобы подышать, как мы говорили, русским воздухом»¹.

На новом месте Зиновьев, помимо чисто партийной работы, занялся и публицистикой. Писал для выходивших легально в России «Правды» и «Звезды», журналов «Металлист», «Просвещение», «Вопросы страхования». В них страстно бичевал то «экономистов» — стремившихся свести весь смысл деятельности социал-демократии лишь к защите материального положения рабочих, то «отзовистов», отрицавших необходимость легальной думской борьбы. Словом, всех, кто не следовал курсу, намеченному Лениным. Позднее многие из этих статей включил в сборники: «Против течения» — совместный с Лениным, «Марксизм и ликвидаторство» — совместный с Лениным и Каменевым. Однако начавшаяся мировая война заставила изменить наладившуюся было жизнь.

¹ Там же, д. 9, л. 5.

8 августа Ленина, как подданного враждебного государства, арестовали. Но после двухнедельного заключения лишь благодаря В.Адлеру — одному из основателей социал-демократической партии Австрии — его освободили, разрешив ему, а заодно и Зиновьеву, покинуть страну. «Мы решили, — вспоминал Григорий Евсеевич, — что надо во что бы то ни стало выбраться в нейтральную страну, чтобы продолжать работу. Такой страной была Швейцария. Владимир Ильич уехал туда первым, а мне пришлось задержаться, так как у меня сильно заболела жена, З.И.Лилина, которую нужно было оперировать»¹.

Обосновавшись в Берне, Ленин и Зиновьев прежде всего возобновили издание «Социал-демократа», а в следующем году стали соавторами. Написали брошюру, имевшую важное, принципиальное значение — «Социализм и война. Отношение РСДРП к войне». В ней Зиновьеву принадлежали написанная целиком вторая глава — «Классы и партии в России», большая часть третьей — «Восстановление Интернационала» и четвертой — «История раскола и теперешнее положение социал-демократии в России»². Главное же содержалось в ленинской первой главе — «Принципы социализма и война 1914–1915 гг.».

В ней Владимир Ильич объяснял: идущая война — империалистическая, и потому задача всех социалистов превратить ее в гражданскую, для чего приступить к низвержению своих правительств; освободить колонии; отказаться от обороны своих отечеств, что на деле является социал-шовинизмом. А потому призывал поддержать его лозунг — «Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии всех стран, прикрывающей свои грабительские цели “национальной” идеологией, все это на почве объективно революционной ситуации неминуемо создает революционное настроение в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу выражает лишь наш лозунг превращения войны империалистической в гражданскую»³.

Вне зависимости от того, кто же написал эти слова, под ними стояла подпись и Зиновьева.

Соавторы понадеялись, что брошюра поможет сплотить всех социалистов-антимилитаристов, но ошиблись. Работа, подготовленная редакцией «Социал-демократа» к изданию на русском, немецком, французском и еще почему-то на норвежском языках, по техническим причинам вышла только поздней осенью. Тогда, когда благодаря неустанной работе Зиновьева, списывавшегося со знакомыми и малознакомыми единомышленниками, удалось собраться в дачном поселке под Берном, в Циммервальде.

Циммервальдская конференция открылась 5 сентября 1915 года, собрав всего 38 человек из России, Германии, Франции, Италии, Болгарии, Норвегии, Швеции, Нидерландов, Польши. Россию представляли два большевика — Ленин и Зиновьев, два меньшевика — Аксельрод и Мартов, два эсера — Натансон и Чернов, по одному от латышской социал-демократии и группы «Наше слово» — Берзин и Троцкий.

¹ Там же.

² Ленин В.И. Сочинения. Т. XVIII, М., 1935, приложения, с. 441.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее ПСС), т. 26, с. 32.

С докладами о положении рабочего движения в своих странах выступило четырнадцать человек, а среди них — Зиновьев. Их оказавшиеся довольно различными взгляды не позволили утвердить резолюцию, предложенную Лениным. Одобрив иную, в основу которой положили проект Троцкого. Ограничившую скромным призывом «начать борьбу за свое собственное дело, за священную цель социализма, за освобождение подавленных народов и поработанных классов — путем непримиримой пролетарской классовой борьбы»¹.

Явная неудача — с точки зрения Ленина и Зиновьева — Циммервальдской конференции заставила их и их немногих единомышленников возобновить попытки все же добиться своего. Провести вторую конференцию, теперь уже в небольшой деревушке под Берном — в Кинтале, в апреле 1916 года. Там собралось 43 социалиста из десяти стран. Большевиков на этот раз представляли Ленин, Зиновьев и Инесса Арманд.

Основным для всех стал вопрос о постановлении Второго интернационала, но уже иного по характеру — боевого, действенного, либо о создании нового, Третьего. Однако при обсуждении проблемы голоса разделились поровну, и ее решили отложить до следующей встречи. И все же Кинтальская конференция значительно — по сравнению с Циммервальдской — продвинулась вперед. Она призвала: «Требуйте от представителей социалистических партий немедленного отказа от поддержки военной политики правительства. Требуйте от социалистических депутатов, чтобы они отныне голосовали против всех военных кредитов. Способствуйте всеми имеющимися у вас в распоряжении средствами скорейшему окончанию человеческой бойни».

И провозгласила: «Борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма»².

Следующую встречу наметили на май 1917 года, также в нейтральной Швеции — в Стокгольме. Но неожиданные, никем не предвиденные события заставили всех эмигрантов из России срочно возвращаться на родину.

¹ Циммервальдская и Кинтальская конференции. Официальные материалы. Л. — М., с. 30.

² Там же, с. 45, 47.

Глава 1

Шел третий год войны...

На Западном фронте британские, французские, немецкие войска истекали кровью во Фландрии, на Сомме. Под Верденом всего за одиннадцать месяцев боев обе стороны потеряли около миллиона человек убитыми. На Восточном — русская армия давно оставила врагу Польшу, Западную Белоруссию, Литву, Курляндию. Все попытки нанести сокрушительный удар австрийцам в Галиции всякий раз завершались отступлением.

В Лондоне лорд Лонсдаун, инициатор создания Антанты, пришел к выводу, что в самом лучшем случае можно надеяться на окончание войны вничью. И в конце 1916 года вручил членам правительства меморандум, призывающий начать мирные переговоры.

Сходные настроения охватили Австро-Венгрию. Даже новый император Карл, вступая на престол в ноябре 1916 года, заявил в манифесте, что сделает все, чтобы прекратить возможно раньше ужасы и лишения войны, и возвратит своим народам блага мира.

Не осталась в стороне от попыток выйти из войны и Россия. В конце лета 1916 года товарищ (заместитель) председателя Государственной думы А.Д. Протопопов провел в Стокгольме переговоры с агентом германского правительства банкиром Варбургом. По возвращению на родину он внезапно получил пост министра внутренних дел и шефа жандармов.

В самой же Российской империи нарастало недовольство, порожденное безмерной усталостью от войны. Солдаты на фронте отказывались идти в наступление, братались с немцами и австрийцами. В тылу за 1916 год прошло 1 416 забастовок, 294 крестьянских бунта. В столице из-за нехватки продовольствия появились огромные очереди.

Недовольство положением захватило и большую часть двора, видевшего причину всех бед, неудач на фронте в императоре и его жене, попавших под странное влияние Распутина. В ночь с 29 на 30 (с 16 на 17) декабря князь Ф.Ф. Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович, депутат Государственной думы В.М. Пуришкевич и врач С.С. Лазоверт убили Распутина. Но на том заговорщики, стремившиеся к отстранению Николая II от престола, и кончили. Не решились на дальнейшие шаги.

Решился народ.

С началом февраля в Петрограде начались волнения, захватившие не только рабочих, их голодных жен, но и войска гарнизона. 11 марта (26 февраля) вышли самовольно из казарм 4-я рота запасного батальона Павловского гвардейского полка, 12 марта (27 февраля) — Волынский, Московский, Литовский запасные полки, запасной батальон Преображенского гвардейского полка. Вечером того же дня в Таврическом дворце собрался только что избранный Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет).

12 марта (27 февраля) самочинно возник Временный комитет Государственной думы во главе с ее председателем М.В.Родзянко.

В тот же день по требованию всех командующих фронтами Николай II отрекся сам и от имени сына в пользу брата Михаила. На следующий день отрекся и тот.

15 (2) марта было создано Временное правительство во главе с князем Г.Е.Львовым.

Как вспоминал десять лет спустя Зиновьев, «весть о февральской революции застала пишущего эти строки в Берне... Помню, я возвращался из библиотеки, ничего не подозревая. Вдруг вижу на улице большое смятение. Нарасхват берут какой-то экстренный выпуск газеты. “Революция в России”.

Голова кружится на весеннем солнце. С листком с еще не обсохшей типографской краской спешу домой. Там застаю уже телеграмму от В.И., зовущую “немедленно” приехать в Цюрих...

Итак, царизм пал! Лед тронулся. Империалистической войне нанесен первый удар. С пути социалистической революции убрано одно из важнейших препятствий. То, о чем мечтали целые поколения русских революционеров, наконец свершилось.

Помню несколько часов ходьбы по залитым весенним солнцем улицам Цюриха. Мы бродили с В. И. бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда редакции “Новой цюрихской газеты”, строя догадки на основании отрывочных сведений.

Но, конечно, не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки. Надо ехать. Что сделать, чтобы вырваться отсюда поскорей — вот главная мысль, которая господствует над всем остальным...

Надо ехать. Дорога каждая минута. Но как проехать в Россию? Империалистическая бойня достигла апогея. Шовинистические страсти бушуют во всю мощь. В Швейцарии мы отрезаны от всех воюющих государств. Все пути заказаны, все дороги отрезаны. Вначале мы как-то не отдавали себе в этом отчета. Но уже через несколько часов стало ясно, что мы сидим за семью замками, что прорваться будет нелегко. Рванулись в одну, в другую сторону, послали ряд телеграмм — ясно: не вырваться.

В. И. придумывает планы, один другого неосуществимее: проехать в Россию на аэроплане (не хватает малого — аэроплана, нужных для этого средств, согласия властей и т.д.)...»¹

Потом у Ленина и Зиновьева возникла дикая, бредовая идея, о которой рассказывал впоследствии видный деятель польского революционного движения, циммервальдовец, как и Ленин, Зиновьев, член Заграничного бюро большевистской партии Я.С.Ганецкий, в то время живший в Стокгольме.

«Получаю вдруг, — писал он, — телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне весьма важное письмо, получение которого просит подтвердить по телеграфу. Через три дня приходит конспиративное письмо, в нем

¹ Зиновьев Г. Приезд В.И.Ленина в Россию. — Ф.Платтен. Ленин. Из эмиграции в Россию (далее — Платтен). М., 1990, с. 120–121.

маленькая записка Владимира Ильича и 2 фотографии — его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: “Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые. Посылаю вам на всякий случай наши фотографии”... Сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом»¹.

Вдруг показалось — можно! 15 марта Временное правительство объявило амнистию всем политическим заключенным и обвиняемым в антигосударственной деятельности. Единственной проблемой остается путь домой. Самым простым он оказался для тех, кто находился в Великобритании. Требовалось всего лишь получить выездную визу, взять билет на пароход, идущий в нейтральную Норвегию, оттуда проехать по железной дороге Швецию и Финляндию, чтобы оказаться в Петрограде.

Но зависел этот путь от «благонадежности» того или иного эмигранта. Тем, кто выступал за продолжение войны до победного для Антанты конца, не создавали никаких препятствий. Так поступили с Г.В.Плехановым, тогда «оборонцами» М.М.Литвиновым — будущим наркомом иностранных дел СССР, с П.М.Керженцевым, ставшим руководителем советского Российского телеграфного агентства (РОСТА), с С.С.Пестковским — заместителем Сталина в наркомате по делам национальностей.

Тогда же, в марте, до российской столицы дошла и весть о трагической смерти известных революционеров — Карповича и Янсона. Пароход, на котором они добирались до Норвегии, торпедировала немецкая подводная лодка. И знаменитая руководитель «Народной воли» Вера Фигнер, возглавлявшая Комитет помощи политическим ссыльным, заявила: «Теперь у наших изгнанников есть только два пути возвращения в Россию — через Германию или через смерть»².

19 марта Зиновьев, вернувшись в Берн, принял участие в частном совещании представителей основных партийных групп: лидеров меньшевиков — Л.Мартов, эсеров — М.А.Натансон, бундовцев — В.Косовский, где Григорий Евсеевич представлял большевиков. В совещании, на котором не кто иной, как Мартов неожиданно для всех предложил эмигрантам возвращаться на родину через... Германию. В обмен на интернированных в России немцев.

О происшедшем Зиновьев тут же информировал Ленина — вроде бы выход найден. И не только. Сообщил и о том, что все участники совещания одобрили обращение к известному швейцарскому социал-демократу, государственному советнику Р.Гримму с просьбой выяснить такую возможность. На следующий день Зиновьев о том же сообщил и Г.Л.Пятакову, находившемуся в Норвегии. Просил его по прибытии в Петроград добиться согласия на обмен от Временного правительства.

Движение за проезд через Германию стремительно разрасталось. Уже 23 марта представители всех партий образовали «Центральный комитет по возвращению

¹ Ганецкий Я. Приезд тов. Ленина из Швейцарии в Россию. — Платтен, с. 135.

² Цит. по: Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989, с. 74.

русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, на родину». Он-то и дал Гримму формальные полномочия на переговоры с Ромбергом, германским посланником в Берне, который немедленно связался с Берлином и получил согласие. Однако Ленин почему-то решил, что Гримм будет всячески затягивать выезд, и срочно собрал в Цюрихе 31 марта совещание, в котором участвовали он сам, Радек, Крупская, Мюнценберг, Зиновьев, его жена, Бронский. Они же постановили передать полномочия другому гражданину Швейцарии — хорошо им знакомому циммервальдцу Ф.Платтену. Такое решение обосновали следующим образом: «Предложение Гримма вполне приемлемо... К сожалению, представители некоторых групп высказались за отложение вопроса. Это решение в высшей степени достойно порицания и причиняет величайший вред русскому революционному движению. Принимая во внимание эти результаты обследования, Заграничное бюро Центрального комитета постановляет осведомить всех членов нашей партии о том, что предложение немедленного отъезда нами принято, и что все желающие сопровождать нас в нашем путешествии должны записаться. Копия настоящего заявления препровождена будет представителям всех групп.

Цюрих, 31 марта 1917 года. В.Ленин, Г.Зиновьев»¹.

За неделю к Владимиру Ильичу и Григорию Евсеевичу присоединилось 32 человека, в том числе записаны родителями малолетние сыновья Зиновьева и бундовки Б.Н.Поговской. Однако среди них известных в будущем оказалось весьма немного: К.Радек, Н.К.Крупская, И.Ф.Арманд, Г.И.Сафаров, Г.Я.Сокольников, М.Г.Цхакая. Остальные вскоре быстро растворились в огромной революционной массе.

4 апреля Платтену удалось согласовать с Ромбергом следующие условия поездки:

«2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна производиться проверка паспортов.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир...»².

Разместились возвращающиеся в вагоне-микст, то есть смешанном, имеющем купе второго и третьего класса. В двухместных ехали Ленин и Крупская, Зиновьев с женой. В четырехместных — все остальные.

Поезд отошел от перрона цюрихского вокзала 9 апреля в 15 часов 10 минут. Через трое суток, 12 апреля, он прибыл на последнюю немецкую станцию Зассниц на острове Рюген. Оттуда, уже без сопровождения немецких офицеров, политэмигранты последовали на пароме «Дротинниг Виктория» в шведский Треллеборг. (Наблюдательный Платтен заметил: «Из 32 путешественников не страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек»³). 13 апреля, опять же

¹ Там же, с. 93–94.

² Там же, с. 48.

³ Там же, с. 59.